

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 159.9.316.6
DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-38-48

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ, СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЯКУТИИ К МИГРАНТАМ (КИРГИЗАМ)

Егорова А. И., Елисеева Н. Д.* , Осипова Г. С.

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, 677013,
Республика Саха (Якутия) г. Якутск, ул. Белинского, д. 58 Российская Федерация;
* корреспондирующий автор, e-mail: eliseeva_n_d@mail.ru

Поступила в редакцию 27.06.2024

После доработки 19.09.2024

Принята к публикации 20.09.2024

Аннотация

Цель. Исследование межэтнического отношения коренных народов Якутии к мигрантам-киргизам.

Процедура и методы. Выбор объекта исследования обусловлен резким увеличением количества мигрантов из Киргизии на территории Якутии. Для проверки гипотезы о влиянии количества мигрантов на межэтнические отношения коренных народов к мигрантам, был проведён сравнительный анализ гетеростереотипов и социальной дистанции по трём условным зонам Якутии. Методики «Приписывание качеств» и «Шкала социальной дистанции».

Результаты исследования показали, что в нашей выборке увеличение количества мигрантов не влияет на межэтническое отношение коренных народов к мигрантам. Эмоциональная модальность гетеростереотипов не меняется при изменении их количества. Небольшая вероятность вклада количества мигрантов присутствует в проявлении социальной дистанции.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в определении оптимальности актуального количества мигрантов-киргизов как фактора, влияющего на социальную дистанцию и характер гетеростереотипов в Республике Саха (Якутия).

Ключевые слова: межэтнические отношения, этнические стереотипы, социальная дистанция, психологическая безопасность, этнические группы

© CC BY Егорова А. И., Елисеева Н. Д., Осипова Г. М., 2025.

Для цитирования: Егорова А. И., Елисеева Н. Д., Осипова Г. М. Взаимосвязь межэтнического отношения, социальной дистанции коренных народов Якутии к мигрантам (киргизам) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2025. № 1. С. 38–48. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-38-48

Original research article

INTERRELATION OF INTERETHNIC RELATIONS, SOCIAL DISTANCE OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF YAKUTIA TO THE OF MIGRANTS (KYRGYZ)

A. Egorova, N. Eliseeva*, G. Osipova

Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov, ul. Belinskogo, 58,
Republic of Sakha (Yakutia) Yakutsk, 677013, Russian Federation;

*Corresponding author, e-mail: eliseeva_n_d@mail.ru

Received by the editorial office 27.06.2024

Revised by the author 19.09.2024

Accepted for publication 20.09.2024

Abstract

Aim. A study of the interethnic relationship of the indigenous peoples of Yakutia to Kyrgyz migrants.

Methodology. The choice of the research object is due to a sharp increase in the number of migrants from Kyrgyzstan in Yakutia. To test the hypothesis of the impact of the number of migrants on the interethnic relations of indigenous peoples towards migrants, a comparative analysis of heterostereotypes and social distance was carried out in three conditional zones of Yakutia. Methods of "Attribution of qualities" and "Scale of social distance".

Results. The results of the study showed that in our sample, an increase in the number of migrants does not affect the interethnic attitude of indigenous peoples towards migrants. The emotional modality of heterostereotypes does not change when their number changes. A small probability of the contribution of the number of migrants is present in the manifestation of social distance.

Research implications. The practical significance lies in determining the optimality of the current number of Kyrgyz migrants as a factor affecting social distance and the nature of heterostereotypes in the Republic of Sakha (Yakutia).

Keywords: interethnic relations, ethnic stereotypes, social distance, psychological security, ethnic groups

For citation: Egorova A. I., Eliseeva N. D., Osipova G. M. Interrelation of interethnic relations, social distance of the indigenous peoples of yakutia to the of migrants (kyrgyz) // Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2025, no. 1, pp. 38–48. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-38-48

Введение

Проблема межэтнических отношений в современном мире имеет особую актуальность. В российском многонациональном обществе ценность ме-

жэтнической толерантности является одним из основных принципов формирования единства государства [2]. В силу геополитического пространства, Россию отличает высокий уровень

принятия других народов, терпимость и стремление сосуществовать вместе. Способность к межэтнической интеграции без потери собственной этнической идентичности является особенностью российского менталитета. В этом ключе российское многонациональное общество имеет свою особую стратегию. Историки отмечают, что создание Российского государства основывалось на принципах сохранения этнического многообразия и интеграции коренных народов новых присоединяемых территорий к общероссийской культуре. Историки отмечают, что «этнический состав России не имеет аналогов в других государствах мира, и не только потому, что она формировалась в процессе сложного и противоречивого исторического развития, но и в силу повышенной динамичности всей социальной и демографической структуры государства, отличавшейся способностью к саморегуляции и традиционной предрасположенностью к интеграции различных народов и групп населения» [15, с. 215]. Сегодня государством уделяется особое внимание на сохранение стабильности межэтнических отношений.

В данной статье анализируются результаты исследования межэтнических отношений коренных народов Якутии к мигрантам. Соответственно, предметом нашего исследования являются гетеростереотипы и социальная дистанция между коренными народами Якутии и мигрантами-киргизами. Выбор киргизов в качестве предмета исследования обусловлен многочисленностью мигрантов из Киргизии за анализируемый период, в Республике Саха (Якутия), по сравнению с другими народами, что, на наш взгляд, явля-

ется фактором риска межэтнического напряжения между киргизами и коренными жителями Якутии.

Мы предполагаем, что увеличение количества мигрантов будет негативно сказываться на гетеростереотипах. Перед тем как приступить к описанию дизайна эмпирического исследования и его результатов, рассмотрим основные понятия, используемые в нашем исследовании.

Межэтнические отношения в социальной психологии изучались В. С. Агеевым [1], Т. Г. Стефаненко [12], Г. У. Солдатовой [13], А. А. Налчаджян [9], С. Д. Гуриевой [6] и др. авторами в русле межкультурной коммуникации, либо в контексте межэтнической напряжённости и межэтнических конфликтов. В трудах отечественных исследователей анализ межэтнических отношений проводится в тесной связи с этническими стереотипами и предрассудками, этноцентризмом и этнической идентичностью. Особый интерес исследователей вызывают особенности межэтнических отношений представителей различных этнических групп, проживающих в полиэтнической среде, где вероятность межэтнических контактов достаточно высока [10; 15]. В нашем исследовании под межэтническими отношениями понимается: «форма группового взаимодействия между людьми разной этничности, осознающих свои культурные различия и субъективно переживаемую социальную границу между «мы» и «они»» [11, с. 75].

Поэтому исследование межэтнических отношений основывается на изучении этнических гетеростереотипов и социальной дистанции между изучаемыми этносами. Гетеростереотипы

являются социально-обусловленными схематическим образами другого этноса [3]. Содержание гетеростереотипов обуславливается когнитивными и эмоционально-оценочными компонентами [4; 5].

Следующее психологическое понятие, на котором мы основываемся, это – социальная дистанция. Социальная дистанция является предметом исследования не только этнопсихологических, но также и других отраслей социальной психологии. Она призвана демонстрировать степень близости и отчуждённости между разными социальными группами. По сути, как и гетеростереотипы, измерение социальной дистанции является представлением человека о степени близости с представителями другого народа [7].

Таким образом, в нашем исследовании мы будем оперировать следующими понятиями: этнические гетеростереотипы и социальная дистанция. Отдельно следует отметить, что ракурс нашего исследования направлен на исследование межэтнического восприятия мигрантов коренными народами Якутии.

Процедура и методы

Эмпирическое исследование было проведено на территории Республики Саха (Якутия) в 2023 г. В эмпирическом исследовании сравнивались этнические стереотипы коренных жителей Якутии: саха, долганов, чукчей, эвенов и эвенков по отношению к киргизам.

Независимым переменным является количество мигрантов относительно коренных жителей. Для этого было проведено разделение выборки исследования по экономическим ре-

гионам Якутии: центральная, южная и арктическая. Проведён сравнительный анализ результатов исследования по выделенным регионам, что позволил проверить гипотезу о негативном влиянии количества мигрантов на модальность этнических гетеростереотипов и уровень социальной дистанции.

В исследовании использовались следующие методики: открытый вариант методики «Приписывание качеств» и модифицированный О. Л. Романовой вариант шкалы социальной дистанции Богардуса.

Целью открытого варианта методики «Приписывание качеств» является получение стереотипного образа представителей какой-либо этнической группы. Особенностью метода является «извлечение» черт стереотипного образа из самой среды испытуемых, не навязывая видение исследователя. Обработка результатов заключается в частотном анализе и контент-анализе. Кодировка проводится следующим способом: 4–5 положительных качеств – 5 баллов; 3 положительных, 1–2 отрицательных – 4 балла; 2 положительных, 2–3 отрицательных – 3 балла; 1 положительное, 3–4 отрицательных – 2 балла; 5 отрицательных – 1 балл [14].

Следующая методика – модифицированный О. Л. Романовой вариант шкалы социальной дистанции Богардуса. Здесь определяются следующие категории ответов: «Я хотел бы как можно реже общаться с этими людьми»; «Я хотел бы, чтобы эти люди жили со мной в одном городе»; «Я хотел бы, чтобы эти люди учились вместе со мной»; «Я хотел бы, чтобы эти люди были моими друзьями»; «Я хотел бы, чтобы эти люди были моими родственниками»; «Я хотел бы, чтобы эти люди

были членами моей семьи». Считается, что данная категоризация позволяет оценивать социальную дистанцию между представителями разных народов от полного принятия («Я хотел бы, чтобы эти люди были членами моей семьи»), до полного непринятия («Я хотел бы как можно реже общаться с этими людьми»). Таким образом, можно разделить шкалу Богардуса на 7 уровней: полное отрицание; с 1 по 5 уровни принятия и полное принятие представителей конкретного этноса. Для обработки результатов подсчитывается процент выборов по каждой категории выбора для каждой из этнических групп отдельно [14].

Статистическая обработка результатов производилась с помощью сео-анализа, критерия Крускала- Уоллиса и регрессионного анализа.

Выборка исследования состоит из 905 человек. Из них жители

Арктической экономической зоны – 158 человек, Южной экономической зоны – 333 человека, Центральной экономической зоны – 414 человек.

Результаты

Анализ демографических статистических данных показывает, что за последние 18 лет количество мигрантов из Киргизии выросло в практически в восемь раз. По данным миграционной службы Министерства внутренних дел России по Республике Саха (Якутия), в 1970 г. было 18 человек, в 2002 г. в Якутии насчитывалось 1 105 киргизов, в 2010 г. – 2 696 чел., в 2020 г. – 5 620 чел. На рис. 1. представлено распределение мигрантов по территории Якутии.

Как мы видим, наблюдается резкое, почти в 16 раз, увеличение количества мигрантов-киргизов в Центральной экономической зоне. Практически неизменное количество мигрантов в

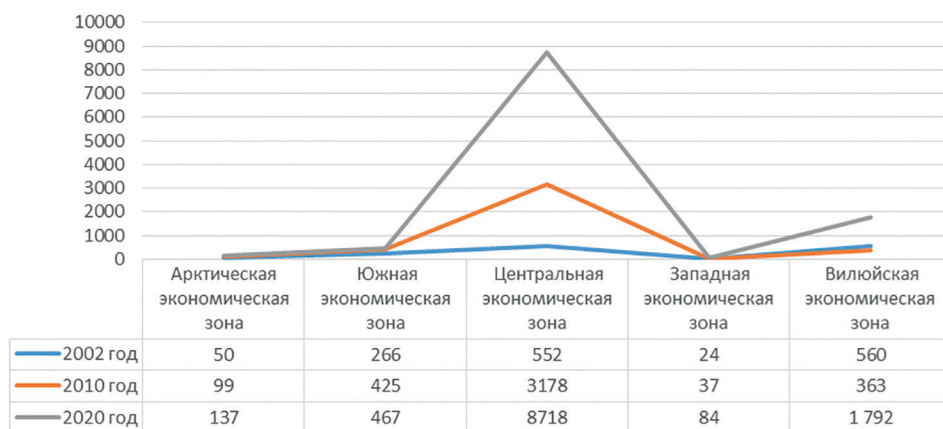

Рис. 1 / Fig. 1. Показатели распределения численности мигрантов-киргизов по республике (в кол. чел.)¹ / Indicators of the distribution of the number of Kyrgyz migrants in the republic (in number of people)

¹ По данным Территориального фонда статистики России по Республике Саха (Якутия) от 21.06.2023. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/migrasia> (дата обращения: 27.06.2024).

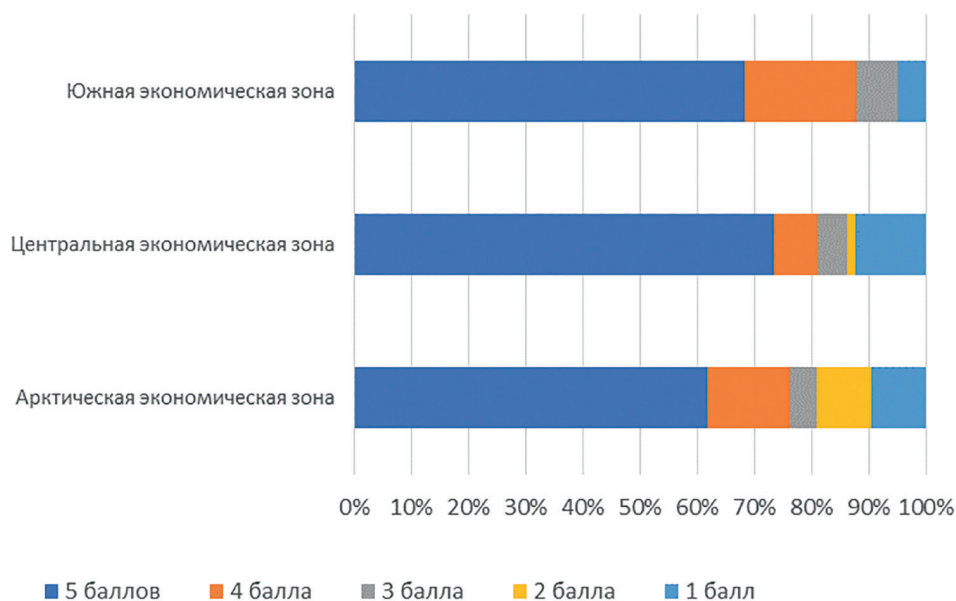

Рис. 2 / Fig. 2. Сравнительный анализ модальности гетеростереотипов по экономическим зонам / Comparative analysis of the modality of heterostereotypes by economic zones

Южной и Арктической зонах. Таким образом, можно конкретизировать гипотезу – этнические стереотипы к мигрантам-киргизам в Центральной экономической зоне будут негативнее, чем в Арктической и Южной экономических зонах.

В Арктической экономической зоне соотношение коренных жителей и мигрантов составил – 0,19%, в Центральной экономической зоне соотношение коренных жителей и мигрантов составил – 1,56%, в Южной экономической зоне соотношение коренных жителей и мигрантов составил – 0,40%¹.

Добавим несколько слов про мигрантов, прибывающих в Якутию. Традиционными отраслями хозяй-

ственной деятельности, в которые привлекаются мигранты это – строительство (29%), сфера услуг (29%), торговля (11%), помощь в домашних хозяйствах (11%), добыча полезных ископаемых (9%), сфера услуг (5%)². Распределение по сферам хозяйственной деятельности показывает, что мигранты работают не только в сезонных работах (к сезонным работам условно можно отнести строительство и добычу полезных ископаемых). Увеличение количества мигрантов в Центральной экономической зоне, на наш взгляд, объясняется развитостью инфраструктуры Центральной зоны относительно других экономических зон. Следует отметить, что по данным Всероссийской

¹ По данным Территориального фонда статистики России по Республике Саха (Якутия) от 25.04.2024 г. https://14.rosstat.gov.ru/chisl_sostav (дата обращения: 27.06.2024).

² По данным Территориального фонда статистики России по Республике Саха (Якутия) от 17.12.2021 г. <https://14.rosstat.gov.ru/news/document/146559> (дата обращения: 27.06.2024).

Таблица 1 / Table 1

Оценка вклада количества мигрантов в вариативность социальной дистанции / Assessment of the contribution of the number of migrants of the variability of social distance

Предиктор	Коэффициент регрессии	z	P	R2	Тест всеобъемлющей модели	
					χ^2	P
Арктическая зона – Центральная зона	-4.39	-2.75	0.006	0,208	24,9	p<.001
Южная зона – Центральная зона	3,58	2.34	<.001			

переписи населения от 2020 г., половое соотношение киргизов, проживающих в Якутии, следующее – 61% мужчин и 39% женщин (по данным Федерального фонда статистики РФ по Республике Саха (Якутия)). Данный факт является опосредованным доказательством того, что мигрантами являются не только сезонные работники, но также и семьи, имеющие долгосрочную перспективу проживания в Якутии.

Перейдём к анализу гетеростереотипов.

Напоминаем, что 5 баллов означают максимально позитивное восприятие, 1 балл – максимально негативное восприятие по методике «Приписывание качеств». Анализ показывает, что в целом во всех экономических зонах общая тенденция позитивная. Визуально в Южной экономической зоне наибольшее количество позитивных гетеростереотипов. Наибольшее количество отрицательных гетеростереотипов в Центральной экономической зоне. Но при этом статистически значимых различий по модальности гетеростереотипов по экономическим зонам не выявлено (χ^2 3,6 при $p < 0.05$). Таким образом, можно сделать вывод о том, что эмоциональная модальность

гетеростереотипов не имеет связи с количеством мигрантов.

Далее рассмотрим особенности социальной дистанции между коренными народами Якутии и киргизами. Рассмотрим результаты порядкового регрессионного анализа (табл. 1).

Для определения влияния количества мигрантов на социальную дистанцию была построена регрессионная модель. Как мы видим, регрессионный анализ показывает влияние количества мигрантов на социальную дистанцию с коренными жителями с вероятностью 20,8%. При этом вклад количества мигрантов на уровень социальной дистанции не является линейным. В Арктической экономической зоне социальная дистанция выше, чем в остальных группах, хотя, насколько мы помним, в этой зоне было зарегистрировано меньшее количество мигрантов. Объяснение этому факту, на наш взгляд, заключается в том, что дефицит информации влияет на отношение к незнакомому субъекту [17]. В Центральной экономической зоне социальная дистанция выше по сравнению с Южной экономической зоной. Таким образом, можно отметить, что наша гипотеза подтвердилась частично.

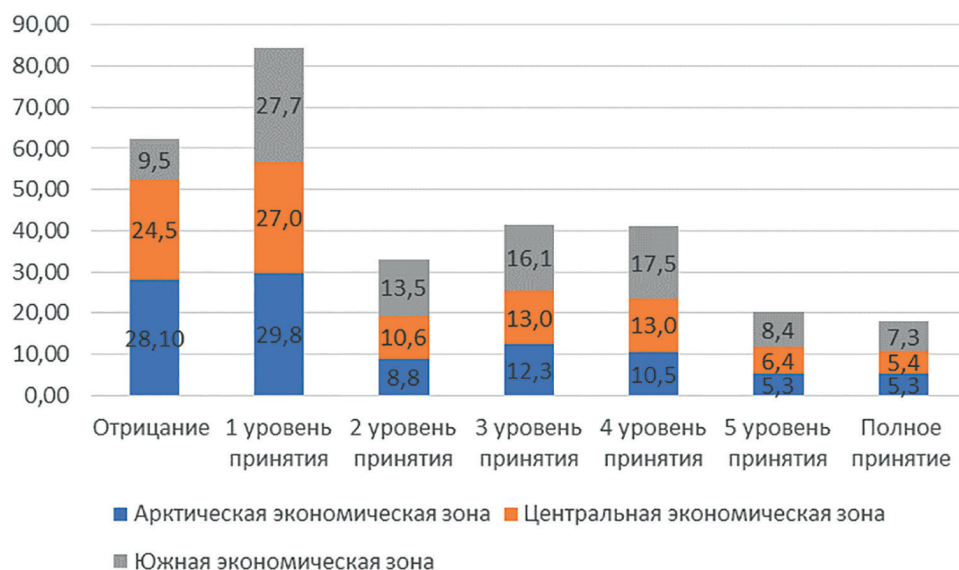

Рис. 3 / Fig. 3. Показатели социальной дистанции / Indicators of social distance

Рассмотрим показатели каждой экономической зоны по отдельности.

Визуализация результатов шкалы социальной дистанции показывает практически одинаковое распределение уровней социальной дистанции в трёх экономических зонах. По всей выборке социальная дистанция между коренными жителями Якутии и киргизами имеет ярко выраженный пик в точке «хотел бы, что они жили в моём городе». В целом, гистограммы смещены в сторону высокой социальной дистанции. Отличительной особенностью Южной экономической зоны являются высокие показатели самой близкой социальной дистанции – включение представителей изучаемых этносов в группу семью. В Арктической экономической зоне, наоборот, выявлены высокие показатели низкой социальной дистанции и низкие показатели высокой дистанции власти. Результаты по Центральной экономической зоне находятся между другими зонами.

Заключение

Результаты нашего исследования показали, что в нашей выборке увеличение количества мигрантов не влияет на межэтническое отношение коренных народов к мигрантам-киргизам. Эмоциональная модальность гетеростереотипов не меняется при изменении их количества. Небольшая вероятность вклада количества мигрантов присутствует в проявлении уровня социальной дистанции. На наш взгляд, данный факт является предвестником изменений характера межэтнических отношений между мигрантами и коренными жителями. Данное предположение мы выдвигаем на основе того, что респонденты при увеличении количества мигрантов предпочитают увеличить социальную дистанцию. Вместе с тем, можно предположить, что актуальное количество мигрантов-киргизов является оптимальным для характера межэтнических отношений

в Республике Саха (Якутия) на сегодняшний день.

Данное исследование имеет поисковый характер, делать серьёзные выводы пока не представляется возможным. На наш взгляд, данные вопросы – оптимальное соотношение количества мигрантов с коренным населением, характер межэтнического отношения коренных жителей к

мигрантам конкретного этноса, имеет перспективу: исследование межэтнических отношений с мигрантами имеет высокую значимость в реалиях современного общества: выявление типа и характера межэтнических отношений между представителями этнических групп, изучение отношений доминирующего большинства и меньшинства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Издательство Московского университета, 1990. 240 с.
2. Андросов М. В. Государственная национальная политика Российской Федерации: от концепции к стратегии // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 197–203.
3. Гинзбург О. В., Зайцева Е. А. Этнические гетеростереотипы в картине мира русских и американских подростков // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 4 (108). С. 32–38.
4. Гончарук Е. Ю., Калькова О. К. Эмоциональный компонент в процессе формирования и восприятия этнических авто-и гетеростереотипов русских (на материале ассоциативного эксперимента) // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3 (40). С. 258–261.
5. Григорьев Д. С. Модель содержания стереотипов и этнические стереотипы в России // Журнал социологии и социальной антропологии. № 23 (2). С. 215–244. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.9>.
6. Гуриева С. Д. Установка и межэтнические отношения. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. 180 с.
7. Дыня А. О. Исследование социальной дистанции в этнических молодёжных группах на основе применения методики «Семантический дифференциал» // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 4 (120). С. 21–27.
8. Марсова В. В. Концепт «Социальная дистанция» в социально-гуманитарных науках: история развития и перспективы изучения // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2015. № 2 (32). С. 175–179.
9. Налчаджян А.А. Этнопсихология. СПб.: Питер, 2004. 381 с.
10. Нетягова В. А., Колосова А. В. Влияние миграционных процессов из стран СНГ на российское общество // История. Культура. Язык: сборник статей по материалам студенческих научных семинаров / Москва, 11–19 декабря 2021 года. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2021. С. 238–249.
11. Паин Э. А. Межэтнические отношения: сущность и основные разновидности // Koinon. 2020. Т. 1. № 1-2. С. 71–87. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1.2.003.
12. Стефаненко Т. Г. Социальные стереотипы и межэтнические отношения // Социальная психология и общество. 2003. URL: <https://www.gumer.info> (дата обращения: 10.10.2024).
13. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряжённости. М.: Смысл, 1998. 389 с.
14. Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: Высшая школа экономики, 2011. 232 с.

15. Тропникова В. А., Матвейшина А. В. Возрастные особенности этнической толерантности и этнических стереотипов у молодёжи // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2021. № 3. С. 47–56. DOI: 10.24147/2410-6364.2021.3.47-56.
16. Шавлохова Е. С. Межнациональные отношения в России в конце XIX – начале XX вв. // Научный диалог. 2017. № 9. С. 214–225. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-9-214-225.
17. Щеголькова Е. Ю. Межнациональные (межэтнические) отношения в оценках жителей Республики Саха (Якутия) // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: материалы V Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти Л. М. Дробизиной / Казань, 28–29 апреля 2022 года / под редакцией Г. Ф. Габдрахмановой, Г. И. Макаровой, Л. В. Сагитовой. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2022. С. 253–258.

REFERENCES

1. Ageev B. C. *Mezhgruppovoe vzaimodejstvie: social'no-psihologicheskie problemy* [Intergroup interaction: socio-psychological problems]. Moscow, Moscow University Publishing House, 1990. 240 p.
2. Androsov M. V. [State national policy of the Russian Federation: from concept to strategy]. In: *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya* [State and legal studies], 2020, no. 3, pp. 197–203.
3. Ginzburg O. V., Zajceva E. A. [Ethnic heterostereotypes in the worldview of Russian and American teenagers]. In: *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy], 2023, no. 4 (108), pp. 32–38.
4. Goncharuk E. Yu., Kalkova O. K. [Emotional component in the process of formation and perception of ethnic auto- and heterostereotypes of Russians (based on the associative experiment)]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 2013, no. 3 (40), pp. 258–261.
5. Grigorev D. S. [Model of the Content of Stereotypes and Ethnic Stereotypes in Russia]. In: *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], no. 23 (2), pp. 215–244. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.9>.
6. Gurieva S. D. *Ustanovka i mezhetnicheskie otnosheniya* [Attitude and Interethnic Relations]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2008. 180 p.
7. Dynya A. O. [Study of Social Distance in Ethnic Youth Groups Based on the Application of the Semantic Differential Method]. In: *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy], 2024, no. 4 (120), pp. 21–27.
8. Marsova V. V. [The concept of “Social distance” in the social sciences and humanities: history of development and prospects of study]. In: *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev], 2015, no. 2 (32), pp. 175–179.
9. Nalchadzhyan A. A. *Etnopsihologiya* [Ethnopsychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2004. 381 p.
10. Netyagova V. A., Kolosova A. V. [The influence of migration processes from the CIS countries on Russian society]. In: *Istoriya. Kul'tura. Yazyk: sbornik statej po materialam studencheskih nauchnyh seminarov* / Moskva, 11–19 dekabrya 2021 goda [History. Culture. Language: collection of articles based on materials of student research seminars / Moscow, December 11–19, 2021]. Moscow, Russian State Humanitarian University, 2021, pp. 238–249.
11. Pain E. A. [Interethnic relations: essence and main types]. In: *Koinon*, 2020, vol. 1, no. 1-2, pp. 71–87. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1.2.003.

12. Stefanenko T. G. [Social stereotypes and interethnic relations]. In: Social'naya psihologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society], 2003. Available at: <https://www.gumer.info> (accessed: 10.10.2024).
13. Soldatova G. U. Psihologiya mezhetnicheskoj napryazhyonnosti [Psychology of interethnic tension]. Moscow, Smysl Publ., 1998. 389 p.
14. Tatarko A. N., Lebedeva N. M. Metody etnicheskoj i krosskul'turnoj psihologii [Methods of ethnic and cross-cultural psychology]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2011. 232 p.
15. Tropnikova V. A., Matvejshina A. V. [Age Features of Ethnic Tolerance and Ethnic Stereotypes in Young People]. In: Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psihologiya [Bulletin of Omsk University. Series: Psychology], 2021, no. 3, p. 47–56. DOI: 10.24147/2410-6364.2021.3.47-56.
16. Shavlokhova E. S. [Interethnic Relations in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. In: Nauchnyj dialog [Scientific Dialogue], 2017, no. 9, pp. 214–225. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-9-214-225.
17. Shchegolkova E. Yu. [Interethnic (Interethnic) Relations as Assessed by Residents of the Sakha Republic (Yakutia)]. In: Gabdrahmanova G. F., Makarova G. I., Sagitova L. S., ed. Pozitivnyj opyt regulirovaniya etnosocial'nyh i etnokul'turnyh processov v regionah Rossijskoj Federacii: materialy V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchyonnoj pamyati L. M. Drobizhevoj / Kazan', 28– 29 aprelya 2022 goda [Positive Experience of Regulating Ethnosocial and Ethnocultural Processes in the Regions of the Russian Federation: Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of L. M. Drobizheva / Kazan, April 28–29, 2022]. Kazan, Shigabutdin Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2022, pp. 253–258.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Егорова Аида Июневна – кандидат психологических наук, директор Института психологии Северо-Восточного Федерального университета им. М. К. Аммосова;
e-mail: aidaego@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7985-4134>

Елисеева Наталья Дмитриевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и социальных наук Института психологии Северо-Восточного Федерального университета им. М. К. Аммосова;
e-mail: Eliseeva_n_d@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0351-5822>

Осипова Галина Софроновна – ассистент кафедры психологии и социальных наук Института психологии Северо-Восточного Федерального университета им. М. К. Аммосова;
e-mail: ogs-92@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aida I. Egorova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Director of Institute of Psychology of the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov;
e-mail: aidaego@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7985-4134>

Natalia D. Eliseeva – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Psychology and Social Sciences of the Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov;
e-mail: Eliseeva_n_d@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0351-5822>

Galina S. Osipova – Assistant of Department of Psychology and Social Sciences of the Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov;
e-mail: ogs-92@mail.ru